

К 200-летию Морица фон Штрахвица

Мориц фон ШТРАХВИЦ

«О СИНЕЕ НЕБО! МЫ ЮНЫ С ТОБОЙ И ПЬЯНЫ ОТ ПЕСЕН ЗВЕНЯЩИХ!»

Мориц фон Штрахвиц (1822–1847) — немецкий поэт и драматург. Один из лидеров позднего немецкого романтизма. Автор популярной патриотической песни «Германия» и исторических баллад, среди которых выделяется «Сердце Дугласа». Ранняя смерть поэта стала большой потерей для немецкой литературы. На его стихи писали романсы ведущие немецкие композиторы Роберт Шуман («Старый конь»), Карл Лёве («Пленный адмирал») и др. На русский язык стихотворения Морица фон Штрахвица переводятся впервые.

СИНЕЕ НЕБО

О синее небо! Зеленый бокал,
Струей золотой орошенный!
Мы пьем, ибо солнечный луч заблистал
В рейнвейнской жемчужине сонной.
Разбей о ступени ты римский хрусталь,
Омой свои губы слезами.
Оплачь ты Отечество — милую даль,
Что в пепле пред нами.

О синее небо! Мы юны с тобой
И пьяны от песен звенящих.
Поем, ибо сладок восторг молодой,
В дубовых расплесканный чашах.
Пусть арфы печальную песню поют,
Струнами гремя через силу,
Покамест Отечество наше влекут
В могилу, в могилу.

О синее небо! Мы в нежных ночах
Чудесным красавицам рады.
Их боготворим, ибо в синих очах
Росинки мерцают отрады.
Ты выкинь из сердца мишурный уют,
Лицо отврати от напасти.
Отечество наше они разорвут
На части, на части.

О синее небо! Охотничий гон —
Роскошная радость мужская!
Мы гоним лисиц, ибо каждый рожден
По вереску мчаться, стреляя.
Пусть лучше уздечка из рук упадет
И шпоры собьются со звоном,
Покамест Отечество наше идет
К уронам, к уронам.

О синее небо! Оно не падет
От боли, недугов, страданий,
Пока голодает несчастный народ,
А кое-кто жаждет восстаний.
Они не умеют ни жить, ни любить.
Грабеж да кутеж — их судьбина.
О Господи, как же Отечеству быть?
Ведь это кончина.

ГЕРМАНИЯ

Край закона и край света,
Край меча и край поэта,
Край певцов
И храбрецов,
Край орлов и дерзких львов.
На краю ты бытия.
Оглянись, Германия!

«Душно в знатной колыбели!» —
Трели красные запели,
Среди улиц
Всколыхнулись,
Топорами замахнулись.
Ты лежишь, мечты тая.
Пробудись, Германия!

Громкий ропот, тихий шепот,
В темноте обманный топот.

Веру Божью —
В бездорожье.
Голубя пытаются ложью.
Всюду — нет, запрет, нельзя.
Молви: да, Германия!

Помолись ты перед Богом
О спасении высоком!
Перед царской
Тьмой татарской
Душу сохрани бунтарской.
За углом Сибирь твоя.
Оглянись, Германия!

Чтобы верили друг другу
Государь и его слуги,
На закат
Ступай, Марат,
Здесь тебе никто не рад:
Только искус от тебя.
Берегись, Германия!

Благоденствуй в благодати,
Лепесток всемирной братии.
Стань ярчей,
Звезда мечей,
От морей и до морей.
Пусть сияет речь твоя
И твой меч, Германия!

СЕРДЦЕ ДУГЛАСА

«Граф Дуглас! Шлем наденьте боевой
И, шпорами точеными звеня,
На пояс меч приладив голубой,
Седлайте быстрого коня.

В чертоге Скуна смерть змеей шипит,
Что слышно всей шотландской стороне.
В предсмертных муках наш король лежит
И скоро не увидит свет в окне».

Они промчались сорок миль почти,
Друг другу не сказав и пары слов.
Когда в чертог отважились войти,
С точеных шпор струей стекала кровь.

Король лежал в рубахе холстяной.
Вдруг начали дрожать его глаза:

«Я слышу: меч грохочет голубой —
По лестнице вздымается гроза!

Мой воин Дуглас, доблестный в бою!
Вот и приходит мой прощальный час.
Послушай речь последнюю мою
И выполни последний мой наказ.

Случилось это в битве грозовой,
Когда взошла Шотландии звезда
Над Бэннокберном — топкою рекой,
И я поклялся Господу тогда,

Что если мне подарит наконец
Победы ослепительный венец,
То, тысячами копьями храним,
Пойду походом на Иерусалим.

Увы, я этот не сдержал обет.
На части сердце рвется от забот.
Для странничества ни минуты нет
У тех, кто правит и народ ведет.

Но если ты готов стать должником
Из состраданья и святых молитв,
Ты сердце мое вырежи ножом —
Оно устало биться среди битв.

Его укрой ты в красный аксамит,
Одень его облаткой золотой —
И пусть, когда мой выдох отшумит,
На стяге крест распустится святой.

Ты тысячу коней с собой возьми
И тысячу героев призови,
К земле Христа ты сердце устреми,
Чтоб упокоилось оно в любви.

Теперь вперед, шотландская земля!
Пускай султанская трепещет власть.
У Дугласа есть сердце короля.
Кто же посмеет на него напасть?»

Кому дано мечом слезу смахнуть,
Кому — поднять стальные якоря.
Король к могиле черной держит путь,
А Дуглас со слугой — через моря.

В морях блуждали — неизвестно где.
Вот ветер на восток подул во мгле.
На сотый день по утренней звезде
Они к желанной прибыли земле.

Затем пустыней ехали вдвоем,
Вдали блистала сказочно река.
По шлемам солнце огненным лучом
Стреляло наподобие стрелка.

Был неподвижен воздух и песок.
Стяг безнадежно опустил края.
И вдруг песчаный зашумел поток,
И замерцали сталью острия.

И бури над пустыней поднялись,
За вихрем вихрь кружился, будто бес.
Из каждой тучки всадники неслись,
Сверкая копьями наперевес.

Вот десять тысяч с правой стороны,
Вот десять тысяч с левой стороны.
Аллах акбар! — рев с правой стороны.
Аллах акбар! — рев с левой стороны.

Поднялся молча Дуглас над седлом
И ремешок поправил верховой:
«Клянусь Альбаном и клянусь крестом —
Сегодня будет битва роковой».

И трижды охватила воротник
Цепочка от облатки золотой.
Устами он к сокровищу приник
И талисман поцеловал святой:

«О, сердце, ты сияло впереди!
Я шел и днем и ночью за тобой.
Сегодня, как всегда, меня води
Через преграды на священный бой.

Господь, ты в битве не бросай меня:
Тебе навеки предан буду я.
Хочу я с иноверцами развлечь
Мой голубой, мой христианский меч».

Вот Дуглас шлем потуже укрепил,
И перекинул щит на рамена,
И гриву конскую потерябил,
И встал на золотые стремяна.

«Кто мне вернуть сумеет талисман,
Того покрою вечной славой я!» —
И бросил в гущу ярых басурман
Облатку с храбрым сердцем короля.

И со слугой поехал через строй,
 Поводья опустив перед собой.
 Он к раменам щит кованый прижал,
 А правою рукою меч держал.

И вдруг толчок раздался за толчком,
 И смерть безумной пляске предалась...
 Но солнце улеглось за окоем —
 Вновь тишиной пустыня облеклась.

Окрест лежал поверженный Восток,
 Лелея гордость, мужество и честь.
 На поле боя красным был песок —
 Он никогда не побелеет здесь.

Никто из иноверцев не избег
 Печальной участи — на поле лечь.
 Как короток шотландский холодок,
 Как длинен голубой шотландский меч!

Но там, где пораскинулось трупье,
 Где больше красной крови пролилось,
 Лихое басурманское копье
 Пронзило сердце Дугласа насквозь.

В пробитых латах спал он вечным сном,
 Отринув боль земного бытия,
 Но невредимым было под щитом
 Божественное сердце короля.

ФАРАОН

Уткнувшись лбом в серебряную пыль,
 Лежал на берегу печальный Израиль.
 Пред ним морской простор метался и хрипел,
 А за спиною фараонов гнев кипел.

«Иегова, помилуй Ты меня!»
 И в море посохом ударил Моисей —
 Господь раздвинул воды силою своей,
 И побежал народ по скользким валунам.

Бурлило море по обеим сторонам,
 А дол был лучезарным, как сиянье дня.
 На берег вышел разъяренный фараон —
 И беженцам грозил мечом свирепым он.

Его великолепные войска
 Блестели золотом издалека:

«Ну, царь царей, спаси и сохрани!»
И к долу двинулись, безбожные, они.

Когда же в сотворенный Богом дол
Воитель за воителем сошел,
Взревели волны, закружили карусель,
Укладываясь в старую постель.

Броня была тяжка, а море глубоко:
Никто не выплыл из сумятицы такой,
Хотя Господь стоял недалеко.
Сомкнулись воды, и настал покой,
И тишину обрел простор морской.

ПЛЕННЫЙ АДМИРАЛ

Сегодня тридцать лет, как я
Не видел парус дальний.
Темница высока моя,
И вечен звон кандалный.
Я заточен в гранит глухой,
Где не бывает солнце.
Едва светлеет надо мной
Ничтожное оконце.
Не то, что темен мой приют,
На сердце моем горе,
А то, что я не вижу тут
Блистающее море.

Не слышу, как шумит прибой,
Как набегают волны.
О если б не кандалный бой,
Покой царил бы полный.
Темница далеко стоит
От полосы прибрежной.
Ни боцман здесь не просвистит,
Ни альбатрос мятежный.
Не то, что тихий мой приют,
На сердце моем горе,
А то, что я не слышу тут
Бушующее море.

В моих глазах сквозит тоска,
И вид совсем неважный.
Не ободрит штурвал рука
Иль кортик абордажный.
На мачте вьется рваный флаг —
Как видно, много плавал,

Под ним — захваченный моряк,
 Возьми его ты, дьявол!
 Не то, что я в глуши томлюсь,
 На сердце моем горе,
 А то, что я с тобой не бьюсь,
 Воинственное море.

Я все же, братцы, адмирал!
 Был в переделках страшных,
 На бордаж корабль бросал,
 Рубился в рукопашных.
 Вот я упал под гром в виске!
 Покоюсь среди мрака.
 Как рыба, корчусь на песке,
 Сдыхаю, как собака.
 Не то, что умираю днесь,
 На сердце моем горе,
 А то, что умираю здесь,
 А не в любимом море.

Печально паруса висят —
 Знак скорбного покоя.
 Покроет с головы до пят
 Достойный флаг героя.
 Его морской умчит поток —
 Священная каюта...
 Эх, погребут меня в песок
 Без всякого салюта!
 Не то, что жизнь оборвалась,
 На сердце моем горе,
 А то, что смерть не удалась:
 Моя могила — море.

СТАРЫЙ КОНЬ

Мой старый конь,
 Мой верный конь,
 Что глаз косишь лукавый?
 Я — плох, ты — хром,
 И нам верхом
 Не поскакать в дубравы.

Что помнишь ты,
 Что видишь ты,
 Товарищ мой чубарый?
 Как мы летим
 Холмом крутым
 Вдоль по дороге старой.

Вот у ворот
Мой конь встает:
Здесь девы дом счастливой.
Легка, хрупка,
Ее рука
Играет конской гривой.

Пылит песок:
«Спи, мой дружок!»
Мы выйдем ночью синей
Под лунный свет,
Под лунный свет
Туда, за дом в долине.

Уздечки звон —
На сердце сон.
Смолк поцелуй последний.
Лишь кровь кипит,
Да дробь копыт,
Да шум реки соседней.

Вздых ветерка.
Луна близка —
Льет серебро на нивы.
Краснеет мак,
Утешит мрак
Боярышник сонливый.

Последний взгляд
Назад, назад —
Прощай же, дом в долине...
Светла печаль,
Как жаль, как жаль:
Все кончено отныне.

Товарищ мой,
Наш путь домой
Снег заметет и спрячет.
Простынет след,
И девы нет,
И сердце плачет, плачет.

Перевод с немецкого Е. В. ЛУКИНА

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Петербургский поэт, писатель, переводчик, историк. Окончил Педагогический институт имени А. И. Герцена. Работал учителем, журналистом, проходил военную службу. Автор около 40 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей. Лауреат ряда литературных премий.